

ВЕСТНИК
германской
епаѣхнн

русской православной • 2
церкви заграницей • 1989

Христосъ Воскресе !
Воистинѣ Воскресе !

Редакция "Вестника Германской Епархии"
поздравляет своих читателей
со светлым праздником и желает всем
истинной пасхальной радости.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Пасхальное Послание Боголюбивой пастве Германской Епархии

Да воскреснет Богъ и расточатся врази Его!

Эти слова, повторяемые нами в светлую ночь Пасхи и в последующие за ней дни, некогда написал Св. псалмопевец Давид в пророческом предвидении пришествия и воскресения Христова. Род человеческий находился под жестокой властью греха, и Сам Творец пришел в помощь Своему творению.

И да бѣжать отъ лица Его ненавидящїи Его!

Не стерпели демоны пришествия и присутствия Бога и рассыпались, как прах. Свет пришествия Христова и в большей еще мере свет Воскресения Его по трех днях после вольной смерти победил и рассеял все вражеское полчище: оно исчезает, как дым от ветра и как воск от огня.

При взгляде на историю нашей Церкви за последние десятилетия не может ли казаться, что враги, некогда побежденные, вновь ополчились на Христа и Его словесное стадо и одержали победу, хотя бы частичную? Если воспринимать слова Священного Писания буквализтически, то это именно так. Но Святоотеческое толкование пророческих слов открывает нам, что не против людей обращена молитва Св. псалмопевца, а против демонов, ибо по исполнению ее, т.е. по освобождении людей от власти бесов, праведники возвеселятся и да возрадуются предъ Богомъ, да наслаждаются въ веселїи.

Причина страшного внешнего разрушения и опустошения, следовательно, внутренняя, заключающаяся в духовном состоянии наших сердец. Это наказание не только кара за грехи бывших до нас поколений, но быть может в гораздо большей степени указание и предупреждение о настоящих и грядущих духовных опасностях.

Пастыри нашей Церкви, избравшие путь мученичества, действительно положили души свои за овцы (Иоан. 10,11,15). Достойны ли мы этой их жертвы? Возвращаем ли мы из этого богатого семени достойный плод на земле, орошенной их кровью? Или предаемся духовному сну? Вспомним, как некогда Св. пророк Иона, вздумавший бежать от повеления Божия, несмотря на беспокойство среди мореплавателей из-за крайней опасности кораблекрушения не только дремал, но да-

же крепко заснул (по-славянски "храпляше") (Иона 1,6)!

Наши взоры в эти дни и месяцы особенно устремлены в Россию. Расточатся ли там врази Господни? Мы слышим об открытии нескольких монастырей, некоторого числа храмов. Но уже начинаются и новые гонения, в более утонченной форме чем раньше, как мы теперь слышим из Оптиной Пустыни и из Киево-Печерской Лавры. И при этом все яснее видно, что притеснения эти совершаются при участии власть имущих в самой Церкви. Имеем ли мы право об этом говорить и порою даже обличать? Тот же пророк Иона на вопрос о его происхождении и о цели его путешествия в ожидании смертного приговора мужественно сказал: *"Рабъ Господень есмь азъ, и Господа Бога небеснаго чту, иже сотвори море и сушу"* (Иона 1,9). Исповедуя перед язычниками-идолопоклонниками всемогущество Божие, называя Его Творцом и Владыкою всех, он в смертный час становится провозвестником Божиим, и Господь его удостоил стать живым прообразом-предвозвестителем Христа и Его трехдневного Воскресения. Духом Ионы были исполнены мученики нашего века.

А где стоим мы с вами, братья и сестры? - На стороне ли Ионы-храпящего или Ионы-исповедника? Что требуется от нас? Почти нигде на земном шаре от нас теперь не требуется физического мученичества. Но где наша проповедь всемогущего Бога? Врази Его гнездятся в наших сердцах. Материальное благополучие отучняет нас, и мы ленимся исповедовать Христа хотя бы в молитвенном подвиге перед внутренними Его ненавистниками, не говоря уже о готовности идти во весь мир, по которому Господь нас рассеял и без нашей воли, и *"научить вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ"* (Мф. 28,19-20). Как я могу учить других, когда сам не соблюдаю все, что Господь заповедал нам?

Путь указан и ясен. Он прямой, но и тернистый, поскольку порос терниями наших грехов и сплетениями порочных навыков - страстей. Очищается он только крестом, ибо *"нѣсть ученикъ надъ учителя своего"* (Лк. 6,40). Милосердие всепрощающего Бога дарует нам, однако, дерзновение уповать,

что "совершенно всякъ будетъ, якоже учитель его". Не внешние действия ведут нас к такому совершенству, а сознательная и терпеливая борьба против "ненавидящихъ Его", т.е. всех демонов, страстных вожделений и нечистых склонностей, пленивших сердце человеческое.

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его! Этот победный возглас мы в Пасхальную ночь поем лишь после того, как слышали многократное "Воскресение Твое Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ тебе славити". Для тех, кто забывает, что Воскресшего Господа можно славить только чистымъ

сердцем, или кто унывает в этом делании, Святая Церковь дает обильное время Великим Постом, напоминая нам о святом деле молитвы и очищения сердца. Будем же упражняться в этом и по наступлении светлого праздника Пасхи, чтобы нам чистымъ сердцемъ ликовать во все возрастающей радости со всей Церковью:

Христос Воскресе - Воистину Воскресе!

Пасха Господня
1989 г.

МАРК, Епископ Берлинский
и Германский

о. Юстин

Толкование на Св. Евангелие от Матфея

Мф. 3, 4 *Самъ же Іоаннъ имѣлъ одежду изъ верблюжьяго волоса и поясъ кожаный на чреслахъ своихъ; а пищею его были акриды и дикий медъ.*

3.4

Истинный проповедникъ покаяния, св. Предтеча проповедовалъ покаяние не только словом и делом, но также и пищей своей и одеждой: *Самъ же Іоаннъ имѣлъ одежду изъ верблюжьяго волоса и поясъ кожаный на чреслахъ своихъ; а пищею его были акриды и дикий медъ.* - Вселенский исповедникъ греховъ человеческихъ показывает, что смирение и пост суть дыхание покаяния. Кто истинно кается, тот ведет свою душу и свое тело смирением и постомъ черезъ этотъ мир, который во зле лежит. Первая добродетель души - это смирение, а первая добродетель тела - пост. Вместе они очищают и душу и тело покаянием от всякой греховной скверны и страстной нечистоты. Итак, они возвращают и тело и душу своему небесному источнику. Ибо ничто так не приготавливает и душу и тело к Царству Небесному, как покаянное смирение и покаянный пост. В этомъ намъ непогрешительные учителя: св. Креститель Іоанн и св. Апостолъ Павел. Как борцы, которые в этомъ мире постоянно борются за жизнь вечную и Царство Небесное, они воздерживаются от всего, изнуряют и мучают тело (ср. 1 Кор. 9, 25, 27), чтобы его сделать достойнымъ Христа и Его Царства.

Срог и суров к самому себе, св. Предтеча питается акридами. Это особый родъ кузнечиковъ, которымъ и в наше время на востоке питаются бедняки. Употребление в пищу этихъ кузнечиковъ было допущено закономъ Моисеевымъ (Лев. 11, 22). Как строгий постник, он никогда не ел хлеба, и, кроме акридовъ, питался дикимъ медомъ. А этотъ медъ "очень горький и отвратного вкуса". Чтобы достойнымъ образомъ встретить Христа, св.

Предтеча от колыбели упражняется в строжайшемъ посте и суровейшемъ подвижничестве. И этимъ онъ ясно показывает, что к Господу Христу можно приступать достойнымъ образомъ только черезъ длительный покаянный пост и смиренное покаянное подвижничество.

Говоря о постнической жизни св. Предтечи, св. Златоустъ говорит: странно и удивительно было видеть в человеческомъ теле такое терпение. Это-то особенно и привлекало иудеев. Они видели в немъ великого Илию. Зрелище, которому они были свидетели, напоминало имъ об этомъ святомъ муже и даже еще более изумляло ихъ. Действительно, Илия питался и в городахъ и домахъ, а Іоаннъ от самой колыбели постоянно жил в пустыне. Предтече Того, Кто имелъ упразднить все древнее, как то: труд, проклятие, печаль и пот, надлежало и самому иметь некоторые знаки такого дара и быть выше древнего осуждения. Таковымъ онъ и был. Ни земли онъ не обрабатывал, ни браздъ не рассекал, ни хлеба не ел в поте лица; но столъ имелъ готовый, одежду находилъ легче стола, а о жилище еще менее заботился, нежели об одежде. Онъ не имелъ нужды ни в доме, ни в постели, ни в столе, ни в чемъ другомъ подобномъ, но, нося плоть, велъ какую-то ангельскую жизнь. Для того-то онъ и носилъ власяную одежду, чтобы и самую одежду научить насъ удаляться от всего человеческого, и не иметь ничего общаго с землею, но возвращаться к прежнему благородству, в какомъ былъ некогда Адамъ, прежде нежели возымелъ нужду в платьѣ и одежде. Такимъ образомъ, самая одежда Іоанна служила знакомъ и царскаго достоинства и покаяния. Іоаннъ жил в пустыне, какъ на небе, строго исполняя все правила философии, и оттуда, подобно ангелу с неба, нисходилъ во грады -

подвижник благочестия, увенчанный всей вселенной, и философ философии, достойной неба. При том он был таковым тогда, когда еще не был разрешен грех, не прекратился еще закон, не была еще связана смерть, не были еще сокрушены медные врата, но когда еще имел силу Ветхий Завет. Такова-то мужественная и крепкая душа: она всюду проходит и побеждает все преграды.

3, 5-6 Тогда Иерусалимъ и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили къ нему, и крестились отъ него въ Иорданѣ исповѣдуя грѣхи свои. 3.5-6

Все появление св. Предтечи показывало, что он не только пророк, но и "больше пророка" (Мф.11.9). Всеми очами своей святой души устремлен в чудесный лик Мессии, он по-

стоянно говорит о Небесном Царстве, о вхождении в него через покаяние, о своем недостатке перед Мессией. Как будто он весь с неба и ничего земного в нем нет, так он всем своим существом устремлен к небу, к небесному царству. Это его и делает привлекательным для современников; его появление побуждает к покаянию и исповеданию грехов. Евангелист свидетельствует: *Тогда Иерусалимъ и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили къ нему, и крестились отъ него въ Иорданѣ исповѣдуя грѣхи свои.* - Хотя и крестились, говорит блаженный Феофилакт, Иоанново крещение не давало прощения грехов. Иоанн только проповедовал покаяние и водил к отпущению грехов, т. е. водил к Крещению Христову, которым преподается прощение грехов.

Людмила Перепелкина

Категория времени и православной церковной традиции

"Юлианский календарь - икона времени" (услышано в России)

Издревле человек склонялся перед тайной времени, силясь постичь ее. Время представлялось ему то глубоко враждебным, требующим кровавых жертв (как у ацтеков), то ареной борьбы хаоса и космоса или магическим сновидением (The dream time), обращенным в темное прошлое тотемных предков.

Сказания и мифы доносят до нас отголоски древних представлений о времени. Человек боялся или обожествлял время, придавая ему самые разные формы: луча, пронизывающего тьму, стрелы, летящей из будущего в прошлое, цепи окружностей. Чаще всего время передавалось числом, иногда, как у орфиков и кельтов, оно представлялось звуком или музыкой. Так, кельтский бог Дагда своей игрой на живой арфе дубе вызывал различные времена года¹. Есть поэтическая концепция времени, посредством которой пытаются разрешить спор между временем и вечностью: "Смерть и Время царят на земле, - ты владыками их не зови" (Вл. Соловьев).

Время в метафорических образах отражено в космогонических, антропогонических и этиологических мифах. Человек догадывался, что со временем связано что-то главное: начало и конец, его память и надежда. Мечта объяснить время и овладеть им отразилась и в современной фантастической "машине времени", которая позволяла бы свободно странствовать по этому непостижимому царству.

От Хроноса до теории Эйнштейна человечество прошло долгий путь, так и не сумев вполне разгадать сущность времени. Веками будучи предметом философских и научных размышлений, время как категория остается неопределимым. Правда, ему приписывают один, кажущийся несомненным, атрибут - протяженность, но и он оказывается фикцией. Так, теория относительности основана, как известно, на понятии четырехмерного пространства-времени, где временная ось является мнимой.

Можно ли говорить о времени Сотворения мира, если сам акт творения не входит в причинную связь явлений? Трансцендентный по своей сущности, он превосходит всякое человеческое представление о пространстве и времени. Говоря о "начале" бытия, человек вынужден прибегать к категории времени, чтобы остаться в привычных для его мышления рамках.

По мнению Владимира Соловьева, рациональные определения времени сводятся к более или менее замаскированным тавтологиям. Ведь говоря, что время есть порядок явлений в их последовательности, время определяется временем².

"И когда измеряем мы это время; то откуда оно приходит к нам? Каким путем проходит? И куда отходит от нас?" Ближе всех к тайне времени подошел блаж. Августин: "В тебе, душе моя, измеряю я времена". Согласно блаж. Августину три акта действия - чаяние, созерцание и воспоминание (память), происходящие в душе человека, порождают "Тройственность времени". Однако

не наше воспринимающее сознание (душа) порождает само время; своим возникновением оно обязано вечной субстанции. Творцу: "и самое время есть Твое же произведение"³.

Полторы тысячи лет назад блаж. Августин своим возвышенным и столь ясным языком сказал то, что в XX веке пытаются выразить посредством сложных математических формул. В отношении времени они сводятся к тому, что наше восприятие, как и ближайшая к нам онтология (волновая функция квантовой механики) развивается во времени, но имеется следующий слой – источник "света", где это понятие не имеет смысла⁴.

Бог есть примирение антиномий. Любовь преодолевает время, и не оттого ли о жизни, к которой призывает нас Господь. Он и говорит через апостола Иоанна: "и времени больше не будет" (Откр. 10, 6).

Так что же такое время? "Кажется, ничего нет яснее и обыкновеннее, – говорит блаж. Августин, – а между тем, в сущности нет ничего непонятнее и сокровеннее и более вызывающего на размышления"⁵.

Человек, созерцая природу и самого себя, видел, что умирание сменяется жизнью, а затем силы жизни уступают место распаду и смерти. Спасать жизнь должно было чудо, совершавшееся в ритуалах. Ритуалами гармонизировалась жизнь мироздания и человека. Естественные ритмы вселенной находили отражение в ритуальных праздниках. Ритуал связан с ритмом, как связан он и с памятью. Отсюда берет начало календарь как воплощение ритма, объединяющего макро- и микрокосмос.

Календарь – это одна из идиом времени и, притом, едва ли не самая важная из них. Календарь есть то, что определяется понятием "ритмической памяти человечества"⁶.

Отмечая 1000-летие Крещения Руси, невозможно обойти молчанием вопрос Юлианского календаря, который имеет на Руси тоже 1000-летнюю историю. Многие задаются вопросом, почему Русская Православная Церковь, несмотря ни на какие календарные реформы, продолжает жить согласно тому же календарю, согласно которому жила Древняя Русь и весь средневековый христианский Запад. Объяснить это просто традиционным пассеизмом или отсталостью, как это пытаются иногда делать, значило бы легковесно уклониться от серьезного ответа и впасть во власть предубеждений. Попытаемся же вникнуть в причины удивительной жизненности Юлианского календаря на Руси.

Как известно, эта система летоисчисления пришла на Русь из Византии. Церковный Юлианский календарь представляет собой византийский синтез календарно-астрономического наследия Древнего Вавило-

на и Египта в сочетании с ученостью отцов Александрийской Церкви, получивший свое осуществление в эпоху св. равноапостольного царя Константина Великого.

Говоря о календаре, необходимо снова подчеркнуть, что представление о времени у различных народов и культур различны. Так, "эсхатологическая спираль" христианского Средневековья отличается от ветхозаветного линейного представления о времени и не имеет ничего общего с циклизмом орфизма и индо-буддизма.

Уже в незапамятные времена календарь понимался не просто как орудие для измерения времени, но как нечто, определяющее пульс космической, исторической и биологической жизни. Древние это понимали: недаром, жрецы, астрономы, звездочеты, математики были окружены всеобщим почитанием, вплоть до евангельских волхвов, которые "звездой учахуся" и пришли поклониться Богомладенцу Христу. Отражая откровения неба, календарь освящал жизнь народов и задавал определенный ритм их бытию.

После воплощения Бога-Слова время стало для христиан *временем спасения*. Оно обрело цель. Время соприкоснулось с эсхатонном и прониклось им. Произошло *освящение времени*. Сакральный календарь средневековья подчинял себе не только время, но и весь уклад жизни. Начиная с IV века по Р.Х. вся литургическая жизнь Церкви становится неразрывно связанной с Церковным Юлианским календарем. Этот универсальный календарь более тысячелетия был календарем всей западной части Экумены и до сих пор остается календарем Русской Православной Церкви. Время Кафолической Церкви, будучи временем чаяния воскресения, уже с первых веков христианства концентрируется вокруг главного праздника – Св. Пасхи. Поэтому история Церковного Юлианского календаря неразрывно связана с Пасхалией.

Среди первых христиан оставалось еще немало приверженцев ветхозаветных обрядов. Так, Малоазийские церкви (их метрополией был Эфес) праздновали Св. Пасху вместе с иудеями 14 нисана, которое падало каждый год на разные дни недели. Однако другие поместные церкви: Александрийская, Антиохийская, Римская, Кесарийская и Иерусалимская совершали Пасху в первое воскресенье, которое следовало за 14 нисана, сохраняя последовательность священных событий Нового Завета: распятие Спасителя 14 нисана в пятницу, пребывание во гробе 15 нисана и Воскресение Христово в первый день недели – в воскресенье 16 нисана⁷.

В связи с проблемой единовременного празднования Св. Пасхи возникли споры, которые в конце XI века при римском епи-

скопе Викторе стали особенно острыми. Епископ Виктор считал недопустимой практику празднования Пасхи, принятую малоазийскими церквами, и требовал прекращения общения с ними. К счастью, мудрое увещание св. Ириней Лионского воспрепятствовало разрыву между Церквами. Только небольшая группа, состоявшая из приверженцев малоазийского обряда, образовала секту четырнадцатников или квадродециманов. Все же христиане Кафолической Церкви стали с 325 года праздновать Пасху только в воскресенье, правда, еще не всегда одновременно.⁸

По причине арианской ереси, а также для решения "пасхалических споров" был созван Первый Никейский Вселенский Собор (325 г.). Текст деяний этого Собора не сохранился, однако о принятых им определениях в отношении празднования Пасхи можно судить на основании нескольких, дошедших до нас документов. Среди них можно назвать: послание Никейского Собора к Александрийской Церкви; послание св. равноапостольного Константина Великого епископам, не присутствовавшим на Соборе; несколько строк из творений Св. Афанасия Великого⁹.

Есть предположение, что постановление Никейского Собора не было изложено письменно. Святые Отцы Церкви, присутствовавшие на нем, ограничились словесным соглашением, результатом которого была "радостная весть о согласии касательно времени празднования Святейшей Пасхи". А в своем послании епископам, не присутствовавшим на Соборе, Константин Великий говорит, что день Св. Пасхи "по общему мнению признано было лучшим праздновать *всем и везде в один день*", поскольку "в деле только важном... весьма неприлично показывать несогласие. Спаситель оставил нам один день нашего избавления... Пусть же благоразумие святости вашей размыслит, сколь непохвально и непристойно, чтобы в одни и те же дни одни постились, а другие делали пиршества..."¹⁰

Из этого послания также видно, что Св. Отцы Никейского Собора порицали обычай "совершать этот святейший праздник по обыкновению иудеев". Св. Константин осуждал сирийских протопасхистов (иногда справлявших Пасху дважды в год, подобно иудеям).

Определения Никейского Собора подтверждаются 7-м апостольским правилом и 1-м правилом Антиохийского поместного Собора. Последнее гласит: "Все дерзающие нарушать определение святого и великого собора в Никее бывшего... о святом празднике спасительных Пасхи, да будут отлучены от общения и отвержены от Церкви, аще продолжают любопрительно восставати противу доброго установления. И сие речено о мирянах. Аще же кто от предстоятелей Цер-

кви, епископ, или пресвитер, или диакон, после сего определения дерзнет к развращению церковей особиться и со иудеями совершать Пасху, такового Св. Собор отныне уже осуждает быть чуждым Церкви, яко соделавшегося не токмо виною греха для самого себя, но и виною расстройства и развращения многих".

Итак, празднование Св. Пасхи определяется 7-м апостольским правилом, постановлениями Первого Вселенского Собора и 1-м правилом Антиохийского поместного Собора, предписывающими совершать ее везде в одно время, в воскресенье. Св. Отцы постановили, что христианская Пасха не должна ни опережать иудейскую, ни совпадать с нею.

Что же касается правила "не праздновать Пасху вместе с иудеями", то это выражение, вопреки утверждению некоторых современных богословов, не означает способ празднования, но имеет чисто временное значение. Ведь известно, что к IV веку у христиан уже сложился собственный обычай празднования Пасхи¹¹.

Исключительно важно отметить, что *никаких точных указаний* относительно календарной системы или технических правил определения времени празднования Пасхи в этих постановлениях Св. Отцов не имеется. Проф. В. В. Болотов достаточно ясно и убедительно доказал, что "Никейский собор не имел надобности издавать какие-либо постановления чисто технического свойства: 'братья восточные' и сами знали, как им избегнуть празднования Пасхи вместе с иудеями"¹².

Мнение этого выдающегося ученого разделяет и проф. свящ. Д. А. Лебедев: "Собор не обсуждал вопроса о дне Пасхи в подробностях... приписываемое ему обычно постановление совершать Пасху в воскресенье после первого весеннего полнолуния есть лишь позднейшая формулировка принципа александрийской пасхалии: Пасха празднуется в первое воскресенье после 14 луны, которая приходится не ранее дня весеннего равноденствия 21 марта (следовательно, в 15-21 дни луны)"¹³. На это обращает внимание и доцент Московской Духовной Академии А. И. Георгиевский в своей статье "О церковном календаре"¹⁴. Профессор протоиерей Ленинградской Духовной Академии Ливерий Воронов также отмечает это обстоятельство в труде "Календарная проблема"¹⁵.

Итак, Никейский Собор "не унифицировал декретальным порядком практику определения времени празднования Пасхи"¹⁶. Это обстоятельство имеет огромное значение для научного спора с теми, кто ратует за "исправление" Церковного Юлианского календаря, ссылаясь на то, что якобы главным определяющим фактором Пасхалии является весеннее равноденствие и непре-

менно "первое полнолуние" после него. Сторонникам "принципа равноденствия", опирающимся главным образом на малоизвестный анонимный греческий документ IV века, "Анатольеву проповедь", следует учитывать, что в александрийских пасхалистических таблицах, принятых впоследствии всей Церковью, *весеннее равноденствие* представляет собой не самодовлеющую величину, как это пытаются доказать приверженцы григорианского календаря, а лишь *величину второстепенную, производную*, служившую границей, определяющей месяц авив (нисан), а вместе с ним и наступление нового пасхального года. Александрийские архиепископы, разрабатывая свою пасхалию, считали, что "христианская Пасха есть богочрежденный ветхозаветный праздник, лишь осмысленный в новозаветном духе"¹⁷.

Как известно, ветхозаветная пасха была ежегодным воспоминанием Израиля об избавлении его от египетского рабства. Этот праздник со времен Моисея приходился на день с 14 на 15 апреля в году лунного месяца нисана (или авива) по древнееврейскому календарю, т. е. на день весеннего полнолуния. Однако надо помнить, что "месяц Авив не есть величина определенная и имеющая свое неподвижное протяжение в году, как наш март"¹⁸. В Св. Писании авив определяется как "месяц колосьев" (Исх. 13, 4), когда, согласно Левит. 23, 10-16 и Второз. 16, 9, каждый еврей должен был на второй день пасхи, в праздник опрессноков, принести Господу первый сжатый сноп, "сноп возношения".

Заслуживают внимания слова проф. Болотова относительно определения времени празднования ветхозаветной пасхи: "Во время существования храма и жертв невозможно было признать за пасхальный, т. е. за Нисан, тот месяц, к полнолунию которого не мог созреть ячмень в окрестностях Иерусалима"¹⁹.

Стало быть, признаком пасхального месяца авива, "месяца новых", согласно Св. Писанию, есть созревание новых плодов, а поскольку самый ранний хлеб в Палестине, по наблюдениям, не созревает до равноденствия, то и нельзя совершать пасху до весеннего равноденствия. Что же касается мнения, будто праздновать Пасху надо сразу же после равноденствия, то проф. Болотов, приводя истинную формулу Пасхалии, заключает, что это - "краеугольный камень григорианской реформы, с которым она стоит и падает"²⁰. К тому же, в древнееврейском языке нет слов "равноденствие" и "весна". Географическое расположение Палестины таково, что там есть лишь два времени года: лето и зима. "Таким образом, - пишет в своем знаменитом докладе проф. Болотов, - сама природа Палестины дает свое беспристрастное свидетельство, что григорианская реформа пасхалии есть только гру-

бая ошибка, грех недомыслия"²¹.

Итак, хотим мы того или нет, но рассуждения о церковном Юлианском календаре неизменно приводят к полемике со сторонниками Григорианского календаря. И, поскольку календарный вопрос, кроме научного, представляет еще и практический, очень актуальный интерес, тесно связанный с жизнью Церкви и, в частности, самой многочисленной в православном мире Русской Православной Церкви, рассмотрим основные черты этой проблематики.

Как уже указывалось выше, создание и *raison d'être* церковного Юлианского календаря связаны с праздником Воскресения Господня - Св. Пасхой. Вся задача, стоявшая перед Свв. Отцами состояла в том, чтобы день этот назначить так, "как назначили его во дни Иисуса Христа, и не впасть в те заблуждения", которые свойственны были иудейской практике в III и IV вв."²².

Господь наш Иисус Христос совершил Тайную Вечерю со Своими учениками в строгом соответствии с иудейской традицией. Однако последняя ветхозаветная Пасха Христа, в отличие от всех предыдущих, справлялась не на пресном, а на кислом хлебе, поскольку опрессноки разрешались по закону 14 нисана после полудня, а в этот час Господь наш был на Кресте "посреде земли соделова спасение всех со упованием призывающих имя Его святое".

И Тайная Вечеря и Распятие Христа произошли 14 нисана, в пятницу, согласно иудейскому суточному счету. Однако по римскому, Юлианскому календарю, по которому сутки начинаются в полночь, Тайная Вечеря Христа падает на четверг, а распятие - на пятницу. Христианство, приняв Юлианский календарь римлян, сделало Великий Четверток днем воспоминания Тайной Вечери, а Великий Пятток - днем памятования Святых спасительных Страстей Господа нашего Иисуса Христа²³, что соответствует традиции синоптиков.

Пасха страданий Господа совпала с ветхозаветной, Пасха же, низложившая державу смерти, Пасха Воскресения, свершилась на третий день после распятия, 16 нисана. Последовательность этих, единственных в мире и истории, событий не может быть изменена. Это - канонический вопрос очень большой важности. Традиция строгого соблюдения священных новозаветных событий Русской Православной Церковью свидетельствует о ее любви ко Христу и верности Св. Преданию и предписаниям Свв. Отцов.

Христианское празднование Св. Пасхи, преемствуя ветхозаветные установления, видоизменилось, сообразуясь с событиями Нового Завета и соборными определениями. Однако, сохранив историческую связь с пасхой Ветхого Завета, праздник Воскресения стал совершенно независим от нее.

Задача, стоявшая перед никейскими пасхалистами была исключительно трудной. Сложность ее заключалась в том, что при составлении календаря они должны были учитывать требования астрономического, хронологического, исторического и символического характера. И святые Отцы блестяще разрешили эту задачу. Используя "сплав календарно-астрономического наследия египетской и вавилонской культуры, отшлифованный школой знаменитых греческих астрономов (от Метона до Гиппарха)" ²⁴, они создали шедевр календарного дела – Церковный Юлианский календарь, о котором известный русский астроном проф. Е. А. Предтеченский сказал, что "он выполнен так, что до сих пор остается непревзойденным. Позднейшая римская пасхалия, принятая теперь западной церковью, является по сравнению с александрийской до такой степени тяжеловесною и неуклюжею, что напоминает лубочную картинку рядом с художественным изображением того же предмета. При всем том эта страшно сложная и неуклюжая машина не достигает еще и предполагаемой цели" ²⁵.

Посмотрим, на чем основано приведенное выше высказывание. Постараемся при этом "выйти" из детерминации раз навсегда принятых идей, в данном случае, постараемся критически взглянуть на принятый всеми современными странами Григорианский календарь, помня слова св. благоверного князя Александра Невского, ставшие русской пословицей: "Не в силе Бог, а в правде".

Зная, что только веские доводы способны противостоять предвзятому мнению, остановимся на анализе задач (прежде всего астрономических) стоявших перед христианами компютистами, создателями универсального Церковного Юлианского календаря.

За основу Пасхалии ее составители взяли Юлианский календарь, названный так в честь Юлия Цезаря, который в 46 г. до Р. Х. с помощью известного астронома Созигена ввел новое летоисчисление. Большое достоинство этого календаря заключается в том, что он обладает ритмичным чередованием трех простых лет (по 365 дней каждый) с одним високосным годом, содержащим 366 дней. Кроме этого неизменного – и столь ценного – ритма (ритм – основа любого календаря), Юлианский календарь имеет одну особенность: по прошествии 28 лет дни седмицы приходятся в нем на те же самые числа месяцев, что важно для Пасхалии.

Никейским пасхалистам было известно т. н. "золотое правило" хронологии знаменитого древнегреческого астронома Метона, благодаря которому стало впервые возможным наиболее точно соотнести лунный календарь с солнечным. В 433 году до Р. Х. Метон рассчитал, что 19 солнечных лет (т.е.

6939,75 суток) будут равны 19 лунным годам, содержащим 6940 суток, если на протяжении 19 лунных лет 7 раз вставлять дополнительный (эмболический) лунный месяц. Астрономы знают, что движение Луны довольно сложно, и расчеты ее фаз, охватывающие продолжительные периоды, требуют больших знаний в области астрономии и опыта, основанного на многовековых наблюдениях. "Метоновский цикл", считающийся шедевром мировой астрономии, для Пасхалии представляет большую ценность, поскольку фазы Луны через каждые 19 лет падают на одни и те же дни солнечного Юлианского календаря ²⁶.

1 Ср. Мифы народов мира, М. 1980; Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции, М. 1955; Mirecea Eliade, Le mythe de l'éternel retour, Paris, Gallimard, 1969; Paul Ricoeur, La métaphore vive, Paris, Seuil, 1975; Carl Gustav Jung, L'Homme et ses symboles, Paris, Robert Laffont, 1964

2 Соловьев В. С., Собрание сочинения, СПб. 1897-1900, т. X, с. 231

3 Блаженный Августин, Творение, Киев, 1914, т. 1, с. 312-334

4 Ср. Тростников В., Мысли перед рассветом, ИМКА-ПРЕСС, Париж, 1980, с. 247

5 Блаженный Августин, цит. соч.

6 Зелинский А. Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря, в кн. Контекст, М. 1978, с. 62

7 Георгиевский А. И. О церковном календаре, Изд. Моск. Патр., М. 1948, с. 8.

8 там же, с. 8-9

9 см. Евсевий, Жизнь Константина, 3, 18-19; Сократ, Церковная история, 1, 9; Феодорит, Церковная история, 1, 10; Деяния Вселенских Соборов, изд. в русском переводе при Казанской Духовной Академии, изд. 2-е Казань, 1887, т. 1, с. 76, документ 16; Св. Афанасий, О соборах, 5; К африканским епископам, 2.

10 Евсевий, Жизнь Константина, 3, 18-19;

11 Archimandrite Nikon Patrinos in Synodika V, Edit. du Centre orthodoxe, Chambésy - Genève, 1981, p. 43

12 проф. В. В. Болотов, доклад, журналы заседания Комиссии по вопросу о реформе календаря при Русском астрономическом обществе, 31 мая 1899 г., Приложение 5-е, с. 40

13 см. примечание 2-е св. Д. А. Лебедева к с. 444, т. "Лекция по истории Древней Церкви", проф. В. В. Болотова, СПб., 1910

14 Георгиевский А. И., цит. соч., с. 11

15 проф. протоиерея Ливерия Воронов, Календарная проблема. Ее изучение в свете решения Первого Вселенского Собора о пасхалии и изыскание пути к сотрудничеству в этом вопросе, Богословские труды, 7, М. 1971, с. 182-184

16 там же, с. 182; ср. le Rev. prof. Ene Braniste, le thème de la célébration commune de Paques, in Syndica op. cit, p. 23-24

17 проф. В. В. Болотов, цит. соч., с. 43

18 Георгиевский А. И., цит. соч., с. 6

19 проф. В. В. Болотов, цит. соч., с. 45

20 там же, с. 46

21 там же, с. 46

22 там же, с. 44

23 см. Зелинский, цит. соч., с. 74

24 там же, с. 70

25 проф. Е. А. Предтеченский, Церковное времяисчисление и критический обзор существующих правил определения Пасхи, СПб., 1892, с. 3-4

26 см. Л. Воронов, цит. соч., с. 178; А. Зелинский, цит. соч., с. 69 (Продолжение следует)

Из жизни Епархии

Заявление

На основе прошения от 12.2.1989 мы приняли под свой омофор Румынский Православный приход св. Николая в Нордрейн-Вестфалии.

Принятие румынского прихода в каноническое общение с Русской Православной Церковью за границей совершается исключительно ради предоставления румынскому приходу канонической защиты и помощи, пока Мать-Церковь в Румынии находится в плену безбожной власти. Это действие – временная мера и следовательно не является вмешательством в дела Румынской Церкви.

Хотя новый (григорианский) стиль для Русской Церкви никак яе приемлем, мы сознаем, что ввиду многолетнего употребления его большей частью румынского народа, приход в Нордрейн-Вестфалии должен и дальше придерживаться этого календаря. По этой причине, однако, мы должны в значительной мере воздержаться от совместного служения, чтобы не способствовать смешению календарей и этим не вызвать смущение верующих. Принятием Румынского прихода под наш омофор мы никоим образом не изменяем свое резко отрицательное отношение к новому календарю.

Марк, Епископ Берлинский
и Германский

Василий Альфредович Папмель
21.5.25 – 18.2.89

Василий Альфредович Папмель родился в 1925 г. в г. Ревеле (ныне Таллин). Мать, Антонина Папмель, урожденная Симелева, крестила сына в православную веру. Отец, известный скрипач, был прежде профессором музыки в Петербургском университете. Василий Альфредович учился в Ревеле, но закончил школьное образование в Висмаре.

После войны и плена в США, будучи в Северной Германии, он занимался помощью иностранным беженцам: помогал им устраиваться в Германии или перебираться в другие страны. В Любеке, где семья обосновалась в 1945 г. существовал маленький приход Русской Зарубежной Церкви. В этом приходе Василий Альфредович чувствовал себя, как дома. Богослужения, прислуживание в церкви вошли в его жизнь, а в последние годы он принял на себя и управление церковным хором. Сознательно отдавшись Церкви, он постоянно чувствовал, где была нужна его помощь: так, например, он молча

покидал клирос, когда следовало вынести свечу перед Евангелием, продолжая петь уже из алтаря. В 1949 г. церковный приход получил в пользование придел храма Св. Екатерины, который с большой любовью оборудовали и украсили сами православные прихожане.

В 1955 г. Василий Альфредович поступил в Высшее музыкальное училище Гамбурга, и с 1966 по 1974 гг. он был первым скрипачом Гамбургского Симфонического оркестра, одновременно преподавая в нескольких гимназиях. В ноябре 1973 г. он становится педагогическим руководителем областной музыкальной школы в Зегеберге, где организует оркестр, а с 1980 г. работает над созданием молодежного симфонического оркестра Шлезвига-Хольштейна. Первый председатель этого оркестра, Макс Фридрих Енсен, пишет:

«С 1969 г. Василий Папмель был преподавателем игры на скрипке в Музыкальной школе в районе Дитмаршена, одновременно он вел классы инструментального обучения студентов мельдорфской научной школы. Здесь, как и в Зегеберге, где он с 1973 г. был руководителем областной музыкальной школы, Василий Альфредович стремился обучать учеников игре в ансамбле. В мельдорфской Научной школе он организовал предварительный оркестр, группы камерной музыки и школьные оркестры, а в Зегеберге, конечно, – оркестр музыкального училища.

В 1980 г., благодаря деятельности Василия Альфредовича Папмеля, Министерство просвещения Шлезвиг-Хольштейна назначает его главным руководителем летнего музыкального курса в Санкт-Петербурге, где он также берет на себя управление оркестром. Последующая работа содействовала сближению преподавателя с учениками, так что уже осенью того же года Василий Альфредович решил организовать со своими студентами молодежный оркестр. Так возник Молодежный симфонический оркестр Шлезвиг-Хольштейна. А год спустя, по просьбе Василия Папмеля, родителями и друзьями студентов организуется общество, создавшее правовую и финансовую основу оркестра.

Со времени основания оркестр в среднем постоянно насчитывал около 80 музыкантов. Высокий музыкальный уровень оркестра, приобретенный в работе, стабилизировался. Это было особенно замечательным, так как участники оркестра съезжались из разных частей страны, из-за чего могла проводиться только одна репетиция в месяц. Кроме того, подготовка и навык участников оркестра, состоявших в основном из школьников или студентов, были очень разнообразны, вследствие чего иногда наблюдалось известное непостоянство уровня исполнения. Но каждый год давалось все больше и больше концертов, в основном в Шлезвиг-Хольштейне, а также и за границей. Успех и признание были для всех участников большой наградой. Как руководитель, так и молодые музыканты оркестра, все с готов-

ностью отдавали свой труд, силы и время, делили между собой расходы. Василий Папмель работал без гонорара. Удовлетворение, получаемое от общих музыкальных занятий, покрывало собою все.

Творческий дух Василия Альфредовича, его знания, умение передавались молодым исполнителям и давали высокие результаты, радуя слушателей превосходными концертами. Главный смысл преподавательской работы Василия Альфредовича был в приобщении к музыке. Содружество во время работы, а также и сам образ преподавателя - все это останется жизненным примером для молодых музыкантов."

Василий Альфредович умер утром 18.2.89 в Мельдорфе без предшествовавших признаков заболевания. В свой последний день он также много работал. После отпевания многие собрались проститься с ним на школьном дворе перед церковью. После последнего благословения над могилой Василия Альфредовича, под еще голыми кладбищенскими деревьями, зазвучали трубы его оркестра.

Вечная ему память!

Паломничество в Рим

С 26 февраля по 4 марта группа, состоящая из 30 паломников из Германской Епархии, под духовным руководством Преосвященного Марка отправилась в Рим, чтобы поклониться православным святыням. Техническую организацию взял на себя молодой прихожанин и член приходского совета Св.-

Николаевского собора, Михаил Гертнер.

В первый день паломники посетили храм Пресвятой Богородицы Мария Маджоре, построенный в подтверждение православного учения о том, что Пресвятая Дева родила Богочеловека Иисуса Христа. В этом храме почивают св. мощи св. ап. Матфия, его спутника ап. Епафраста и св. Иеронима. Побывали также в храме и катакомбах св. мученицы Агнии и в храме св. Констанции, дочери св. императора Константина, исцеленной от проказы по молитвам св. Агнии.

В следующие дни паломники ездили по всем важнейшим древним христианским местам, как то: катакомбы, храм св. Алексия Человека Божия, в котором стоит лестница, под которой он жил, неузнанный, в родительском доме; храм св. апостола Павла; ко-

лизей, место нахождения вериг св. апостола Петра. Поклонились святым мощам свв. первоверховных апостолов Петра и Павла, свв. мучеников Киприана и Юстина, и множества других мучеников первых веков христианства. Во многих местах служили молебны, в частности у мощей свят. Иоанна Златоуста, почивающих в базилике св. апостола Петра, а также у мощей св. Григория Двоеслова. В других же местах пели тропари и кондаки святым.

Поскольку в Риме нет православной церкви, не было возможности служить ни одной литургии, но паломники собирались каждое утро в гостиную отеля и читали полунощницу с утренними молитвами, а по вечерам - повечерие с молитвами на сон грядущим.

Святитель Василий Кинешемский (III)*

7 января 1926 года власти, обеспокоенные духовным ростом и укреплением Церкви, потребовали, чтобы епископ покинул город. Александр Павлович предложил уехать к нему на родину, в село Польки, чтобы там переждать тяжелое время. Владыка согласился. Перед отъездом в село он съездил в Ветлугу и навестил там свою сестру. За две недели пребывания святителя у сестры Александр Павлович поставил небольшой домик, подобный тому, в котором жил святитель в Кинешме. В этом домике по приезде святителя был поставлен престол, а затем служились ежедневные уставные богослужения. Жил он здесь на положении ссыльного, и все время теперь посвящал молитве. Служили они с Александром Павловичем вдвоем, никто из посторонних на службах не присутствовал, так как рядом был православный храм.

Здесь, почти в полном уединении, Василий Кинешемский прожил около полугода, а затем поехал в Саров - в последний раз помолиться у мощей преподобного Серафима. Из Сарова он вернулся к Петрову посту прямо в Кинешму и сразу стал служить в Вознесенской церкви.

Прослужив на своей кафедре всего несколько месяцев, он получил назначение в город Вязники Владимирской области. В Вязниках он прослужил полгода. Проповеди святителя, его духовная стойкость, стали привлекать в храм множество народа. Власть, устранившись происходящим на их глазах оживлением церковной жизни, потребовали от святителя, чтобы он покинул город.

Епископ уехал в Кинешму и прослужил здесь четыре месяца, после чего поступило требование властей, чтобы он уезжал из города.

*Окончание - начало см. Вестник 6/88

В июне 1927 года он уехал в Кострому, где прожил до августа 1928 года, и снова вернулся на Кинешемскую кафедру.

Но теперь он прослужил здесь еще меньше: уже через месяц, 28 сентября, он был арестован. Если до этого времени лояльного к советской власти епископа трудно было осудить на заточение "законным" образом, то теперь опубликованная декларация митр. Сергия (Страгородского), открывала обширное поле для гонений на православных. Епископы, священство и миряне теперь тысячами арестовывались и отправлялись в заточение, где их ждали голод, холод, непосильная работа и смерть.

Полгода святитель пробыл в тюрьме и, наконец, был приговорен к трем годам ссылки.

По распоряжению властей, святитель поселился в маленькой таежной деревушке в двадцати пяти километрах от районного города Таборово, Свердловской области.

Александр Павлович и здесь разделил со святителем трудности ссылки. Вдвоем они поставили в домике престол, святитель освятил его, и они ежедневно совершали богослужения.

Молитва, богослужение, тяжелая работа в лесу - все это было подобно скиту с самым суровым уставом. Жизнь была скудная, и Александр Павлович подрабатывал тем, что делал деревянные корытца и ловил рыбу.

Разговаривали друг с другом они мало и редко. Иногда наступал вроде отдыха час, и они сидели среди леса в затухающих сумерках. Плескались в темноте воды речки. Горел костер, освещая сосредоточенное лицо святителя, душа которого была вся погружена в молитву. Их все плотнее окружал мрак леса, и хотелось тогда Александру Павловичу поговорить со святителем, спро-

силь его, но, глянув на Владыку, он не решился его потревожить.

В уединении, в молитве и работе прошло три года, и уже кончался четвертый. Мысль святителя стала склоняться к тому, чтобы остаться здесь навсегда, обретя здесь свою пустынь.

Но оказалось, что и ссылку вольно выбирать нельзя. Только он собрался попросить у местных властей разрешение остаться, как они сами начали требовать, чтобы он уехал.

- Разрешите остаться, - просил он.

- Нет, здесь нельзя. Уезжайте. Вы можете поехать в любой город, кроме запрещенных.

- Я должен подумать, - сказал святитель и вышел на улицу к ожидавшему его келейнику.

- Ну, что, Александр Павлович, куда поедет?

- Я вам не указчик, Владыко святой, вы сами выбирайте.

Святитель задумался. Куда же поехать? Какое место выбрать себе местом изгнания? Разоренный Саров... Дивеево... Оптиная пустынь. Об Оптиной, о своем пребывании в ней, Александр Павлович часто рассказывал святителю, и тот любил слушать об этой любимой русским народом обители. Любил слушать о послушаниях, на которых приходилось трудиться Александру Павловичу.

- А что, пекарь Фотий, которому ты помогал в Оптиной, откуда был родом?

- Из Орла.

- Ну, вот и хорошо - поедет на родину Фотия.

В Орле они прожили два года, и в 1935 году были вызваны в НКВД, где от них потребовали, чтобы они покинули город.

- А куда ехать? - спросил святитель.

- Уезжайте в Кинешму.

В последний раз въезжал святитель в пределы своей родной епархии, где им было посеяно столько добрых семян. Разлученный физически со своей паствой, он никогда не разлучался с ней духовно, и даже молились они в одно и то же, заранее оговоренное время.

Перед Василием Кинешемским в последний раз открылись виды родного города, потому что сразу же по приезде он и его келейник были заключены в тюрьму.

На этот раз по замыслу безбожных властей они должны были быть преданы смерти. Но Господь судил иначе. Школьники, вызванные в суд, чтобы свидетельствовать против Василия Кинешемского и его келейника, отказались давать показания, сказав, что с подсудимыми не знакомы и видят их в первый раз. После того, как обвинение отпало, суд приговорил святителя Василия и его келейника к пяти годам заключения. Его он отбывал неподалеку от города Рыбинска, в лагере, узники которого занима-

лись строительством канала. Александр Павлович был сослан под Мурманск.

Начиналось третье, жесточайшее гонение на Церковь, должное, по замыслу безбожников, окончательно сокрушить и уничтожить православие. За одно исповедание христианской веры расстреливали епископов, священников и верующих, исповедников святого Православия.

Был вызван к мучителям и святитель Василий Кинешемский.

- Как вы относитесь к советской власти?

- Как гражданскую власть я ее признаю, но вмешательство ее в дела Церкви и те неслыханные в мировой истории нестроения, которые она произвела, - с этим я согласиться не могу.

Мучители не удовлетворились этим ответом и потребовали, чтобы он признал декларацию митрополита Сергия. Но не может, по слову Христа, из одного источника течь вода горькая и сладкая, сладость благодати проповеди Христа и горькая бессмысленная ложь. Да и какой исповедник решится оклеветать исповеднический и мученический подвиг других.

Святитель отказался присоединиться к декларации и признать ее православной. Разъяренные мучители бросились тогда бить святителя пряжками солдатских ремней.

Но это несколько не поколебало его решимости чисто и православно исповедовать Христа, не смешивая его ни с какой лостью мира.

Вызванным для допроса после него священникам мучители лгисто говорили: "Вот Преображенский не такой как вы, он прямой, не вертится, а вы при нас за нас, а без нас - против нас".

По окончании срока заключения в 1940 году Василий Кинешемский поселился в Рыбинске, а затем, по непрочительному времени, переехал в Углич, где и намеревался окончить дни своей жизни. В 1942 году святитель получил от Ярославского архиерея предложение занять кафедру.

- Я Сергия за православного не признаю, - писал ему святитель, и прошу вас более не предлагать мне кафедры, потому что я стар и слишком устал от ссылок. Архиерея обещал.

Но сама мысль о пребывании на свободе святителя верного Богу и Его Святой Церкви страшила мучителей, и спустя три месяца после этой переписки Василий Кинешемский снова был арестован.

Сначала он пребывал в заключении в Ярославской тюрьме, а затем в Бутырской тюрьме в Москве. Здесь он провел в заключении 8 месяцев, после которых за непреклонное исповедание Православия был приговорен к пяти годам ссылки в Красноярском крае в селе Бирилюсы.

Глухое, заброшенное среди бескрайних лесов и сети рек сибирское село. Нравы молодежи были уже сильно развращены безбожием и ужесточены войной. От происходящей кругом жестокости даже малые дети дичали. Долго епископ не мог найти себе подходящей квартиры, и наконец поселился в доме вдовы, имевшей трех малолетних детей. Когда он молился, они скачивали из конского навоза шарики и бросали ими в святителя со словами: "На, дедушка, покушай". Вскоре Господь даровал ему некоторое облегчение: верующие женщины нашли ему другую квартиру. Хозяйка ее была одинокая, и у нее жила в это время ссыльная монахиня.

Подвижнические труды, годы заключения и ссылки подорвали здоровье святителя, и он начал сильно болеть; в Бирилюсах у него был небольшой удар, теперь ему стало трудно ходить и требовался за ним уход.

Кончалась война, власти устанавливали с Церковью лояльные отношения на условиях компромисса, в котором от Церкви требовалось все, а власти взамен обещали не убивать священников и епископов, не подвергать их заключению, открыть некоторое количество храмов и семинарий. Власти стали принуждать Василия Кинешемского к признанию Сергиевского синода.

- Вы знаете, за что сидите. Признайте Синод - и мы сейчас же вас освободим и самолетом отправим в Москву, где вас вылетят и вы будете жить.

Святитель отказался.

- Тогда сидите, мы не имеем права вас отпустить.

Видя, что епископ тяжело болен, верующие женщины упростили местного архиерея прислать священника со Святыми Дарами, что и было исполнено. Владыка исповедался, но от причастия отказался.

Поздравляя с Пасхой Христовой, в 1945 году он одной из своих духовных чад писал: "Дорогое мое дитя! Еще раз поздравляю тебя с праздником. Воистину Христос Воскресе!.. Пасху встретил очень хорошо. Господь благословил всеми благами, все твои желания исполнились. Слава Создателю за Его милости и щедроты.

... Дитя мое! Не расстраивайся очень, все в воле Божией, я уже достиг предела человеческой жизни 70 лет, и в дальнейшем жизнь представляет мало интереса. Несомненно одно, что пять лет в Бирилюских условиях мне не выдержать. Смерть не страшна. Хотелось бы там умереть в кругу родных и детей и со всеми поговорить и благословить. По крайней мере иметь возле себя близкого человека, которому можно было бы доверить свое завещание и похоронные распоряжения.

Увы! Ни одной души нет. Тягостно это полное одиночество. Лечусь, принимаю йод,

но самое главное драгоценное лекарство получил в Великий Четверг. Благодарю Творца за все радости и утешения. Душит кашель, трудно дышать, больше лежу. Но и слишком много лежать не годится. Как бы то ни было, полная неподвижность облегчает дыхание, можно вздохнуть полной грудью.

... Прощай дитя мое! Устаю писать. Не унывай. Будь здорова. Доверься вполне воле Божией. Склони голову и скажи и да будет воля Твоя. Помолись. В детскую молитву я верю, она мне часто помогает. В молитве найдешь утешение. Желаю здоровья, долгой счастливой жизни.

Искренне любящий епископ Василий Кинешемский. Деткам привет и наилучшие пожелания. У всех прошу прощения и земно кланяюсь".

Тогда же, весной 1945 года, он написал письмо Александру Павловичу, приглашая его приехать. В ответ Александр Павлович писал, что приедет, когда кончится сенокос.

Но святитель уже знал, что до осени ему не дожить.

Александр Павлович, однако, не стал торопиться с приездом, и, когда приехал, то уже не застал святителя в живых.

29 июля старого стиля 1945 года Василий Кинешемский попросил жившую у хозяйки монахиню прочитать канон на исход души. Прочитав канон, она начала читать последнюю молитву. Святитель внимательно слушал чтение, и когда молитва была закончена, сам твердым голосом произнес "Аминь" и тихо почил.

Когда весть о его смерти дошла до духовных чад, то, по общему согласию близких, его заочно отпел духовный сын святителя, иеромонах Лухского монастыря Венедикт, живший в те годы под Кинешмой тайно.

Из писаний Василия Кинешемского сохранились проповеди, но в наибольшей полноте - его "Беседы на Евангелие от Марка", где явственно слышится дух великого проповедника, обращавшего сердца тысяч людей ко Христу.

Тропарь святителю, глас 8-й:

Православия наставниче, благочестия учителю и чистоты, вселенная светильниче, архиереев богодухновенное удобрение, Василие премудре, учения твоими вся просветил еси, цевнице духовная. Моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 3-й:

Мужество твое, святителю Христов Василие, восславим, и чистоту веры превозносим, и дару словес твоих удивляемся, яко от небес приял еси божественную благодать, наставляти и защищать стадо Христово.

Церковь и культ – к положению Церкви на Родине –

В течение последнего времени в Советском Союзе произошла известная внешняя либерализация, повлекшая за собой и некоторое духовное раскрепощение. В этом процессе видны зачатки важнейших задач, которые будут стоять перед Русской Православной Церковью и перед всем обществом, в случае настоящего освобождения от нынешней безбожной власти.

Русский народ, как и другие народы, входящие в состав СССР, настолько духовно искалечен, что физическое освобождение может даже грозить большой опасностью, если не будут заблаговременно проложены пути к осмыслению прошедшего, а затем и к переосмыслению жизни, к новому духовному началу последующему за ними переосмыслению и новому духовному началу.

В наши дни появляется множество материалов, свидетельствующих о начале преодоления духовного плена. Затрагивающие интереснейшие вопросы, связанные с положением Церкви и народа в России. Так, например, в журнале "Социологические исследования" № 5/1988 появилась статья "Культ и раболепие" армянского психолога Л. Н. Джрнзаяна. Автор этой статьи провел анализ свыше 160 стихотворений 30-х и 40-х годов и пришел к выводу, что "культ личности Сталина являл собой не принудительное или демонстративное поклонение пропагандируемому образу, а вполне реальное и подлинное почитание" (с. 66).

Семантический анализ выявил три основных понятия: "великий – отец – солнце", вокруг которых создаются комбинации вроде "великий отец", "великое солнце", "великое солнце немеркнущее, светлое, лучезарное, сияющее". И "великий отец" – "стальной", "могучий", "храбрый", "мудрый", "гениальный"... (отец указывает дорогу, а солнце освещает ее) (с. 66). Автор этой статьи указывает на причины, по которым можно говорить о настоящем культе: "прежде всего обращает на себя внимание поразительное сходство приведенных квалификаций с традиционно-историческими формами возвеличивания и восхваления средневековых монархов, что наталкивает на мысль о тоталитарно-монархической сущности сталинской макроструктуры. Вершина иерархии – "лучезарный Владыка", обладающий безграничной властью. Для соблюдения полного придворного кворума необходим лишь поэт, воскуряющий фимиам и ублажающий слух властелина. В этом смысле показательно, что многим стихам предшествуют высокопарные посвящения, например: "единственному другу, предводителю на-

родов... от ничтожного поэта преданного народа". Автор подчеркивает, что "великий" "отец" и "солнце" также являются традиционными формами религиозного возвеличивания: "сверхестественное существо – Сталин – всесовершенный, всемогущий и всезнающий. Вечный (бессмертный), всеильный и животворящий, он наделен особенностями классического (а отнюдь не модернизированного) теистического бога... итак по иронии истории в роли божества оказался атеист Сталин" (с. 67).

Армянский автор ясно осознает, насколько его соотечественники отошли от своих христианских корней: "поскольку авторы анализируемых стихотворений – представители народа христианского вероисповедания, казалось бы, можно было бы ожидать, что субъекту, вознесенному на пьедестал божества, будут приписаны такие свойства, как "любящий", "всепошающий", "милосердный"... Новый бог "стальной" (читай: холодный, неприступный, эмоционально отчужденный), "могучий", "волевой", "твердый", но отнюдь не любящий и всепошающий, силен недостижимым величием, карающая безусловность которого предполагает безоговорочное повиновение. Но если не Пресвятая Троица, то что же? Пустующее место свергнутого Христианского Бога заняла не новая божественная личность теистической модификации (для этого ей не хватает полной трансцендентной сущности), а забытое почти два тысячелетия тому назад языческое божество, которое может безжалостно карать, жестоко наказывать, беспощадно убивать, единовластно решать вопросы жизни и смерти" (с. 68).

Мы привыкли в течение десятилетий читать на страницах Журнала Московской Патриархии восхваления советской власти и ее вождей и слышать таковые из уст высокопоставленных представителей иерархии в России и за границей. Действительно, Московская Патриархия участвовала в этом культе, и во многом участвует до сих пор, прегибаясь в раболепии. Из приведенных слов ученого явствует, что суть этого культа заключается в возвращении к языческим божествам.

"Языческий бог воскрес, как феникс, из мглы тысячелетнего забвения и вместо христианских храмов воздвиг по всей стране свои устрашающие подобию из бронзы и гранита. Христианство было втоптанно в грязь идолопоклонничества. Новое божество прочно утвердилось не только в духовной жизни общества, оно получило овеществленное, материальное воплощение. Поэтому

ответ на вопрос старушки из фильма Т. Абуладзе "Покаяние" - не совсем точен. Дорога все-таки ведет к храму, но не к христианскому, а к языческому. Итак, произошла подмена содержания веры, а следовательно - ее объекта и, главное, способа ее проявления в жизни людей. Объявив крестовый поход против 'опиума для народа', новое божество и новая вера являли собой все тот же 'опиум' (с. 68).

Но здесь мы должны спросить: не заражены ли и храмы Московской Патриархии исподволь тем же язычеством, не произошла ли подмена содержания веры и среди ее иерархии? Постоянные выступления видной части епископата с верноподданническими заявлениями, дух этих выступлений - подают, к сожалению, повод думать так. Мы, конечно, осознаем, что рядовое священство и верующие не участвуют в этом раболепии. Но где границы? Насколько может рядовой священник и верующий оставаться на основах чистой православной веры, когда хотя бы часть высшей иерархии заражена ересью? Мы не в состоянии оценить, с одной стороны, как глубоко проникло начало этого языческого культа и заражение этой ересью в психологию по нисходящей иерархической структуре официальной Церкви, ни, с другой стороны, степени добровольности или вынужденности подобных высказываний со стороны представителей Московской Патриархии. Эти вопросы, пожалуй, встанут на повестке дня будущего Собора освобожденной Русской Церкви. Многочисленные отклонения от традиций нашей Церкви и от канонического порядка - неправильное крещение, отсутствие катехизации, пренебрежение таинством исповеди - наводит на мысль, что заражение уже достигло большой силы.

Психологическое состояние народа под безбожной властью Джрнэзьян характеризует следующим образом: "многовековые гуманистические (пусть даже абстрактные) традиции христианства были заменены языческой концепцией человека-животного, что привело и к духовному, и, что самое страшное, к морально-психологическому регрессу. В грязь была втоптана категория всеобщей любви, а, следовательно, и вся христианская ценностная структура, предполагающая общечеловеческий уровень морально-психологического развития. Она слишком абстрактна для языческого ума. Для него не имеет ценности ни общечеловеческое (хотя бы в теории, как в христианстве), ни даже национальное - как путь к первому. Есть одна доминанта, одна ценностная точка отсчета - 'классовая-советская'. Ради нее и Великого Отца - бога Сталина - все дозволено - убийство, клевета, насилие, террор. Главная цель доступна и понятна 'мудрому вождю', который думает

за тебя и ответит за содеянное. Остальное - вздор и 'буржуазные пережитки'... Нет теперь 'человека', как такового, он исчез как 'родовое понятие' и 'абсолютное существо'. Есть 'классовый товарищ' и 'прогрессивное человечество'. Все сводится к антиномии 'друг - враг', определяемой с 'высоты' языческого тоталитаризма Верховным божеством и его жрецами" (с. 68-69).

В этом виден страшный регресс, духовное обнищание. Народ, по мнению автора, выбрал веру в языческое божество: "слепая необходимость в образе языческого божества, его беспощадных жрецов и диктуемой ими и только ими социальной действительности не перестало '...быть слепой силой, чуждой и враждебной людям'. Не было другого столь же целесообразного выбора, и народ выбрал. Нужно было верить даже если бог - языческий, даже если это приводило к морально-психологическому регрессу... 'отныне думать не грешно, преступно действовать'. А значит, думай и желай, что хочешь ('прелюбодействуй', смотри 'с вождением'), но не поступай так, иначе будешь наказан. И не изнутри (в соответствии с внутренней моралью), а извне - божеством и его жрецами, его зеркальными отображениями. Таким образом, одно из величайших морально-психологических достижений христианства - внутренний моральный контроль - был заменен внешним" (с. 69). Автор описывает, как дело переходит от внешних действий в веру: "Или все-таки это был страх? Думается, о страхе можно говорить лишь в начале, затем он трансформировался в веру. И дело не только в том, что психологически люди не могут долго существовать в условиях перманентно фрустрирующего, стрессогенного страха... человек должен как-то оправдать свое поведение, внести оптимальную когнитивную гармонию, убедить себя в том, что именно так он и мыслит. Поддержкой этому убеждению служит постулат 'все так поступают, а значит - и думают'... одобрение отца-божества, который во многом заменял 'моего' патриархального отца... снимает любую проблему. Павлик Морозов, несомненно, герой, хотя и предал своего родного отца, ибо что такое родной отец в сравнении с отцом-богом? В свете сказанного нетрудно видеть истоки раболепия. Все имеет свою оборотную сторону. Если Сталин велик, значит я мал, ничтожен, незаметен; если он - отец, я - сын, покорно стремящийся удостоиться отцовской любви, если Сталин - солнце, то я - пыль, прах. Он - гений, мудр, а я... человек оказался низведенным с христианского пьедестала 'обожествленного человеческого индивида' и 'абсолютного существа' до уровня языческого 'человека-животного'. 'Я' - ничто, 'мы' - все. Вне 'мы' ты безликая неопределенность, 'приниженное' ничтоже-

ство. 'Все заведомо морально, поскольку делается именем масс'. А 'лучезарный' предводитель масс - отец-Сталин. Это внушается официальной пропагандой, и таков выбор язычников' (с. 70). Не этим ли отравлена вера в среде высшей иерархии Московской Патриархии, все еще продолжающей свое раболепие перед властями?

Интересно, что в данной статье, автор ограничивается разбором сталинского культа личности и его последствий, не указывая на то, что именно Ленин и его соратники положили основу - уничтожение личности.

Автор великолепно характеризует психологическую обстановку трусливости и молчания, типичную для некоторых до сего дня: 'В таких случаях выручает новая рационализация: 'я один ничего изменить не могу' или 'может, все это действительно необходимо, ведь мы во вражеском окружении'. Словом, молчание вновь оправдано и даже полезно. Человек, прошедший подобный путь, становится опасным вдвойне. Укоры совести, которые он спешно подавляет, время от времени вновь дают о себе знать, особенно при столкновении с другим 'понимающим, сознающим и совестливым' человеком. Каждый такой порыв пробуждает в нем моральную неполноценность, и чтобы обрести душевный комфорт, он вливается в ряды борцов с 'инакомыслящими'... методы известны - проще всего оклеветать, выдать, очернить. Самое ужасное здесь - это формула оправдания такого поведения: 'я тоже честен, не меньше твоего, ты не можешь и не имеешь право быть честнее меня'. У ставшего на путь подлости и кровопролития нет обратного пути, остается окончательно убедить себя в собственной правоте' (с. 71).

Ярко рисуется трагическое духовное состояние современного человека в советской империи: 'Бюсты языческого бога разрушены, но он еще жив, действует во мне, в тебе, во всех нас и между нами. Действует как невидимый призрак, который время от времени выступает из-под сознания и проецируется во все том же консервативно-прогрессивном мышлении, делая наших детей слишком 'дисциплинированными' (в худшем смысле этого слова), комплексуя нас всевозможными внутренними барьерами ('молчи, а то сошлют'), передвигая фокус нашего внутреннего контроля в сторону экстернатального объекта ('ищите козла отпущения') и т. д. Отголоски многочисленны и разнолики. Их необходимо изучать глубоко и тщательно, не ограничиваясь лишь поверхностным рассмотрением'.

Какой страшный внутренний разрыв характеризует общество, в котором автор заканчивает свою статью следующими фразами: 'Допускаю, что вышеизложенное вызовет недовольство некоторых коллег, про-

питанных духом 30-40-х годов. Но задумайтесь, не говорит ли в вас интериоризированный сталинский язычник?' (с. 71).

В этой трагической атмосфере живут и иерархи и священники и верующие в России. Наша задача - молитвенно поддерживать их и всеми нам доступными мерами помочь им освободиться от язычества, насажденного извне, но проникшего вглубь их сознания и подсознания. Бог не может быть подменен 'нашей великой социалистической родиной'. Человеку надо вернуть его богоподобие, восстановить образ Божий в нем. Способна ли на это верхушка Московской Патриархии? Она живет по выражению другого автора того же журнала, во 'внутренней загранице' (С. Б. Филатов: Нужна ли нам 'внутренняя заграница?') Автор правильно отмечает, что епископы живут 'в своем узком мирке': 'как со стороны выглядит духовенство, внутренняя жизнь церкви? В глаза бросаются черные 'Волги' епископов - то ли местная номенклатура, то ли иностранные гости? 'Журнал Московской патриархии' (ЖМП) периодически сообщает об их поездках за рубеж и присмах иностранных гостей у себя в резиденциях. Видят ли они кого-нибудь кроме друг друга и иностранцев? Создается впечатление, что руководство социального института, с которым связаны миллионы советских граждан, доверяющих им в важнейших вопросах своей духовной жизни, своей совести, живет в узком мирке' (с. 44).

Такая обособленность епископата и части духовенства безусловно вызвана десятилетиями гонений, и богатая обстановка - черные 'Волги' и резиденции - предоставляется им не без хитрости. Из такой золотой клетки трудно освободиться, но истинный пастырь должен чувствовать глубокую двойственность такого положения и в нем должно расти желание преодолеть те барьеры, которые его отделяют от верующего народа. В наше время никто уже не заставляет архиереев отмежевываться от народа, но они десятилетиями привыкли к совершенно безжизненному подходу в пастырской деятельности.

Это видят даже совершенно посторонние люди. Вот, что пишется в статье: 'Перелистаем подшивку ЖМП за прошлый год. Это официальный орган Русской Православной Церкви и, казалось бы, отражает жизнь Церкви, ее установки и интересы. Чтение журнала оставляет странное впечатление. Много пишется о международных, экуменических контактах. Большой официальный отдел: кого чем наградили, кого куда назначили, некрологи, сообщения о том, куда ездили и где совершали богослужения отдельные епископы. Очень много о том, где были и что делали Святейший Патриарх Пимен и председатель издательского отдела

(в чем ведении находится ЖМП) митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Как ни ищи, ничего не найдешь в журнале о внутренних проблемах Церкви. Разве совсем нет в ней коррупции, некомпетентности, нет споров по идейным и практическим вопросам, нет никаких проблем в приходах? Журнал молчит и об общественных проблемах. Как Церковь понимает перестройку? Мнений нет? Большинство верующих – пенсионеры, инвалиды. Разве журналу нечего сказать об их проблемах? А об алкоголизме, наркомании? О сохранении памятников культуры? Да мало ли что еще, казалось бы, могло волновать ЖМП, но нет, не волнует" (с. 44-45).

Это ведь говорит не какой-нибудь "враг" за границей, а "свой" же советский ученый. Кто же обвинит теперь Московскую патриархию в "нелояльности"? Но вот закон сверхлояльности действует по-своему. И когда в стране происходят неслыханные за последние десятилетия перемены, когда массовое общество "Память", как и многие другие объединения выступают не только в защиту "памятников культуры", – иерархам Московской патриархии как будто нечего сказать: "Листая официальный орган Православной Церкви, с удивлением чувствуешь, что соприкасаешься с чем-то давно знакомым – с атмосферой недавнего прошлого, с тем, что мы сейчас называем 'застоем'. Это самодовольно-благодушный и совершенно бессодержательный стиль областных газет начала 80-х годов". Так отмечает Филатов.

Как мы видим из заявлений "Памяти" и подобных организаций, в стране зачастую Православие смешивается с расизмом и шовинизмом и превращается в смесь отвлеченных исторических представлений, приписываемых Православной Церкви, но все это происходит в отрыве от веры в догматы Церкви. Здесь открывается обширное поле для катехизации и для пастырской деятельности в самом широком смысле. Почему Московская патриархия не заполняет этот вакуум? Почему продолжают крестить взрослых (причем на самом деле только окропляя голову) безо всякого приготовления и без пастырского окормления после крещения? Не хватает ли сил физических или духовных, парализовано ли духовенство застоем или проникнуто сергианством и обновленчеством?

Какие тяжелые проблемы стоят перед всей Русской Православной Церковью показывает в частности и обстоятельная работа редактора "Надежды" З. А. Крахмальниковой "Горькие плоды сладкого плена" (октябрь 1988 г.). Зоя Крахмальникова прямо упрекает Московскую патриархию в ереси, в "ревизии Евангелия". Этого автора нельзя упрекнуть в голословном обличении иерар-

хов Московской Патриархии. Она сама была готова на страдания ради Христа, сама за слово Христово сидела в тюрьме. Поэтому ее слова имеют особую силу. Она обличает прежде всего ложь. О соборе, проведенном Московской Патриархией по поводу 1000-летия Крещения Руси, она говорит: "Собор продемонстрировал кризис православного сознания, его документы... войдут в историю нашей Церкви и станут поучительными свидетельствами эклизиологического бесплодия и политиканства, бесплодия, тщетно прикрываемого громкой и пустой словесностью, в которой не было ни подлинной боли, ни истинной любви".

На примере митр. Ювеналия и его отношения к прославлению Свв. Новомучеников З.А. Крахмальникова демонстрирует, что вожди Московской Патриархии не принимают во внимание "основы правой веры в Церковь... Политическое мышление митр. Ювеналия не только вошло в противоречие с основами Православия, оно сослужило и определенную службу в политической трактовке событий, связанных с гонениями на Церковь...". Митр. Ювеналий как и многие его сотрудники активно занимаются апологией гонений. Но это ведет дальше к расколу: "В акте отречения нашего епископата от единства с новомучениками, от единства с Небесной Церковью, возможно, таится грех духовного раскола с Православием Отцов... Никто из земных властей не ответствен за это отречение. Отречение совершилось добровольно. Нечувствие к потере добродетели стало результатом двоедушия и 'богословия компромиссов'".

Десятилетия гонений не могли пройти бесследно. Но значительно тяжелее ложатся на совесть всей Русской Церкви десятилетия лжи и компромиссов от имени Церкви. Ложь и фарисейство охватили Московскую патриархию полностью, начиная с декларации лояльности митрополита Сергия (1927). Духом этой декларации проникнута по крайней мере высшая иерархия и до сих пор. Ее представители за границей все так же твердят о свободе Церкви в Советском Союзе...

Вступить на истинно христианский путь Русская Православная Церковь сможет только искоренив грех этой лжи, ведущей в ересь, и лишь тогда, когда, очистившись от этого греха, полностью отождествится с духом свв. Новомучеников Российских, не только внешне прославляя часть их, а именно проникшись духом мученичества и исповедничества каждого и всех их.

Е.М.

На книжном складе обители Преп. Иова Почаевского в г. Мюнхене имеется
Новый Завет
в параллельном издании на церковно-славянском и русском языке!

Как должно себя вести по выходе из Церкви

(из творений св. Иоанна Златоуста)

Доброе дело – быть постоянно усердным к слушанию слова Божия, но доброе дело сие бывает бесполезно, если не соединяется с ним польза, проистекающая от слышания слова Божия. Итак, чтобы нам не напрасно собираться сюда в церковь, старайтесь, – много раз просил я вас об этом, и еще не перестану просить, – старайтесь, как можно, приводить к нам братьев, вразумлять заблудших, уговаривать и не только словом, но и делом. Ибо учение чрез поступки и жизнь есть самое лучшее учение. Хотя бы ты и не говорил ничего, но если, вышедши из собрания, ты и одеждою, и взглядом, и голосом, и всем вообще наружным видом покажешь отсутствовавшим, какой приток выносишь ты отсюда, – это есть достаточное вразумление и убеждение. Мы должны выходить отсюда так, как из святилища, так, как бы мы сходили с неба, делаясь скромнее, любознательнее, мерою располагая поступки и дела свои. Жена, когда увидит своего мужа, возвратившегося с собрания, отец сына, сын отца, раб господина, друг друга, враг врага, – каждый почувствует, какую пользу мы получаем здесь. А почувствует тогда, когда увидит, что мы стали кротче, любознательнее, благочестивее. Подумай, в каких тайнах ты участвуешь, вспом-

ни, с кем вместе ты возносишь таинственную оную песнь, с кем вместе воспеваешь трисвятое. Скажи отсутствующим, что ты становишься в один лик с серафимами, присоединяешься к сонму небесному, причисляешься к чину ангелов, беседуешь с Господом, бываешь в обществе с Иисусом Христом. Если бы мы так вели себя, не имели бы, выходя отсюда, никакой нужды в словах к отсутствующим, но они, видя, какую мы получаем пользу, почувствовали бы свой недостаток, и тотчас бы притекли сюда, чтобы иметь участие в оных благах. Ибо они, как скоро увидят красоту душ наших, просиявающая чрез самые чувства, – хотя бы были людьми самыми безрассудными, – воспламеняются любовью к благообразию вашему: потому что если и телесная красота привлекает смотрящих на нее, тем более душевное благообразие может привлекать и возбуждать к соревнованию того, кто видит ее.

Итак, украсим внутреннего нашего человека, и то, что здесь говорится, не забудем и вне: ибо там то наипаче время помнить это, и как борец, чему выучится на палестре (в школе телесных упражнений), то и показывает в самой борьбе: так и мы, что здесь слышим, то и должны выказывать во внешнем своем поведении.

Книги из издательства Обители Преп. Иова Почаевского на немецком языке:

deutschsprachige Bücher
aus der Druckerei des Hl. Ijob von Počaev:

Begegnung mit der Orthodoxie Bd. 2 (1987) - Grenzen der christlichen Menschenlehre
Begegnung mit der Orthodoxie Bd. 3 (1988) - Orthodoxe Erfahrung und Wahrheit der Kirche

Begegnung mit der Orthodoxie Bd. 4 (1989) - Theosis - Vergottung des Menschen

в серии Begegnung mit der Orthodoxie печатаются доклады выдающихся православных богословов, выступающих на "Семинаре по Православной литургике и духовности", проводимом ежегодно во Франкфурте.

Allgemeine Gemeindegliederung der Russischen Orthodoxen Kirche im Ausland

Dr. G. Seide: Die Russische Orthodoxe Kirche in Stuttgart (mit farbigen Abbildungen)

Закажите теперь!

Druckerei des Hl. Ijob von Počaev
Schirmerweg 78
8000 München 60

И.И.Базаров

Воспоминания

Проводив императрицу, которая из Висбадена отправилась прямо в Россию, не желая, по ее словам, умереть в чужих краях, мы задумали с нашим посланником В. П. Титовым сделать поездку в верхнюю Баварию, где в местечке Оберамергау через каждые десять лет в десятичные годы давалось представление Страстей Господних, привлекавшее к себе толпы благочестивых и еще более любопытных со всех концов света. Я взял с собою моего старшего сына, и мы в начале августа отправились в это паломничество. Доехав по железной дороге до Мюнхена, мы осведомились там, каким способом нам добраться до заветного места, лежащего в тирольских горах. Растолковав нам маршрут, нас предупредили в Мюнхене, что если мы наперед не заказали себе экипажа и квартиры, то мы рискуем не достигнуть своей цели от множества людей, устремляющихся на это зрелище. Однако мы решились пуститься наавось.

Переехав на пароходе Штарнбергское озеро, сделавшееся впоследствии столь известным по несчастной гибели баварского короля Людвига, бросившегося в его волны и утопившего с собою и своего лейб-медика, мы на пристани увидели бесчисленное множество экипажей всякого рода от почтовых колясок и omnibusов до простых телег с продольными сидениями из досок. Когда мы вышли на берег, то тут же заметили, что лучшие из экипажей все были заказаны наперед из Мюнхена ехавшими вместе с нами на пароходе пассажирами, и нам оставалось искать себе местечка в omnibusах или телегах, которые все брались тут же с бою. Однако нам удалось кое-как достать себе три места в одном из таких экипажей, где нас поместилось человек 12, большей частью из простого народа.

Езды отсюда до Оберамергау было 6 часов, и в такой тесноте в неудобном экипаже было бы невыносимо просидеть все это время. По счастью дорога шла большей частью в гору и, следовательно, шагом, почему мы могли часто выходить из своего omnibуса и идти пешком, наслаждаясь и горным воздухом, и живописными окрестностями. Это путешествие, равно как и самое представление в Оберамергау, я описал и напечатал в "Страннике" 1861 года в статье под названием: "Представление Страстей Господних в Верхней Баварии" и потому, не повторяя здесь описанного, останавлиюсь воспоминанием только на некоторых эпизодах этого интересного путешествия.

Добравшись до цели нашего странствования, мы были встречены здесь неудобства-

ми, предсказанными нам в Мюнхене. Мы приехали туда в субботу вечером накануне представления, которое дается по воскресеньям в течение лета каждого десятичного года, и первую заботу нашей было достать себе места на завтрашнее представление. Для этого мы отправились к театру, расположенному в поле за селением. Здесь нас поразили фигуры костюмированных людей, двигавшихся в поле и распивавших кружки пива у раскинутых вокруг балаганов. Оказалось, что это были завтрашние актеры, все из селения Оберамергау, фарисеи, римские воины, народ в костюме той эпохи, и когда мы, достав себе билеты, вспомнили о ночлеге - все было давно занято. Когда мы обратились с вопросом к одному поселянину, то он, подумав, указал нам на одного костюмированного со словами:

- А вот спросите у этого фарисея, может быть у него в доме найдется еще местечко.

Но на вопрос наш фарисей отвечал, что у него все уже переполнено.

- А вот,- прибавил он, - попробуйте у "Матери Божией", там еще может быть найдется себе ночлег.

Как ни странно нам было слышать такие адреса для приискания ночлега, мы все-таки пошли по направлению к указанному нам дому "Матери Божией", думая, однако, сначала, что дом так называется по изображению на стене его Божией Матери в сиянии и облаках. Но на самом деле оказалось, что дочь хозяина этого дома участвует в представлении в роли Матери Божией, и жители селения так уже сроднились со своими ролями, что в частном быту называют себя не по именам, но по ролям, к которым они готовятся в продолжение десятка лет от одного десятигодичного представления до другого.

"Матерь Божия" на наш вопрос о ночлеге отвечала, что в доме у них все занято, но что на чердаке есть двуспальная постель, на которой могут поместиться и трое. Нам показалось немного дико таким образом провести ночь, и потому мы спросили, нет ли у них в доме хоть дивана или скамейки для трети. Диван оказался, но только слишком короткий. Делать было нечего. В. П. Титов согласился поместиться на этом диване на ночь, предоставив мне с сыном двуспальную кровать на чердаке.

Запасшись этим ночлегом, мы отправились поискать себе ужин и вместе осмотреть интересовавшую нас местность. В 8 часов вечера раздались пушечные выстрелы и звон колоколов, возвещавшие канун завтрашнего представления; по улицам прошла музыка из доморощенных артистов селения.

Надобно заметить, что оберамергаусцы, считая это представление своей исключительной собственностью, никого не допускают к участию в нем, кроме своих поселян.

Однако, насмотревшись на все это, мы вспомнили, что нам пора на покой – тем более, что завтра надо было встать рано, так как представление начиналось в 8 часов утра. Но каково же было наше изумление, когда, отворив дверь в комнату, в которой В. П. Титов должен был спать на своем диване, мы нашли в ней множество спавших на полу людей. То были простые крестьяне, собравшиеся из окрестностей на представление и не имевшие другого места для ночлега, кроме приютившего их крова гостеприимной "Матери Божией", пускавшей к себе гостей, сколько войдет. Пришлось Владимиру Петровичу шагать через спящих, чтобы добраться до своего дивана. Меня же с сыном молодая хозяйка проводила на чердак к двуспальной кровати и тут же просила нас снять сапоги, чтобы она успела

начала этого священнодействия. В глазах католического крестьянства это не было простое представление евангельских событий, но литургическое действо, подобно тому, как в нашей церкви в старину совершалось действо трех отроков в печи огненной или вход в Иерусалим с патриархом на коне. Оберамергауское действо приняло со временем характер настоящего театрального представления, тем не менее, как по великости и святости содержания, так и по благоговению и даже артистичности исполнения, оно захватывает душу и до такой степени приковывает к себе внимание, что не смотря на восьмичасовое с перерывом только на один час продолжение, не чувствуешь усталости ни от долгого сидения на одном месте, ни от напряженного следования за сменяющимися сценами.

На книжном складе Обители Преп. Иова Почаевского

имеются книги нашего издания:

ВЕЛИКИЙ СБОРНИК. Часть 1. Владимирова 1942г., с.33

Часть 2. Владимирова 1942г., с.367 (235-602)

КАНОНЫ из Триоди Постной и Цветной, Владимирова 1943г., с.199 (379-578)

АКАФИСТ преп.Серафиму Саровскому, 1946, с.16

ПОСЛЕДОВАНИЕ НА ДЕНЬ СВ. ПАСХИ, Гамбург-Фишбек 1948г., с.34

АКАФИСТ Пресвятой Богородице, светлой обители

странников бездомных, Мюнхен 1964г., с.32

АКАФИСТ святителю Моисею, новгородскому Чудотворцу, Мюнхен 1965г., с.18

Молитвословы

Необходимые ежедневные молитвы, Мюнхен 1962г., с.29

Молитвенное Правило Православным христианам готовящимся к принятию

Святых Таин, Мюнхен, с.61

Жития Святых

13. № 2 Сентябрь (16 по 30), Мюнхен 1950, с.82

14. № 4 Октябрь (16 по 31), Мюнхен 1951, с.120

15. № 5 Ноябрь (1 по 15), Мюнхен 1952, с.132

16. № 6 Ноябрь (16 по 30), Мюнхен 1953, с.152

17. № 7 Декабрь (1 по 15), Мюнхен 1954, с.160

18. № 8 Декабрь (16 по 31), Мюнхен 1956, с.156

19. № 9 Январь (1 по 15), Мюнхен 1958 –без переплета–с. 208

20. №10 Январь (16 по 31), Мюнхен 1966, с.239

21. №11 Февраль (1 по 15), Мюнхен 1970, с.204

их вычистить с вечера, так как на другое утро рано она должна идти в церковь, чтобы причащаться перед разыгрыванием своей роли Матери Божией в предстоящем представлении. Этот долг исполняют все главные актеры, представляющие священные роли Христа, апостолов и евангельских жен. Кроме того, роль Христа предоставляется человеку безупречного поведения и наиболее благообразному.

На другое утро мы встали рано и поспешили на место зрелища. Там уже все было полно народа, с благоговением ожидавшего

Это наблюдение еще более поразило меня, когда мне удалось побывать еще раз на этом представлении 20 лет спустя в 1880 г. в обществе того же старшего сына и уже внуков моих, его детей, мальчиков 9-ти и 7-ми лет. Эти мальчуганы не только не утомились нисколько от долгого сидения на этом представлении, но напротив, еще с большим вниманием, чем мы, взрослые, следили за ним с начала до конца. И в самом деле, это необычайное проведение перед глазами самых священных событий мировой истории в живых лицах невольно захватывает дух и

сердце. Мне, как в первый так и во второй раз, при этом представлении было страшно одно только, чтобы не вышло какой-либо профанации столь священного предмета. Однако, принимая во внимание как настроение самих актеров, приготавливающих принятием св. таин к исполнению своих ролей, так и благоговейное присутствие народа, стекающегося на это зрелище как на поклонение святыне, невольно приходишь и сам в такое же настроение и думаешь только об одном: что это представление единственное в своем роде, что, имея свою местную подкладку, оно может совершаться так в одном только этом месте и даже не чаще, как на расстоянии десятка лет.

Высидев первую часть, мы вышли вместе с другими в 12 часов, чтобы подкрепить свои силы на следующие 4 часа. Нужно было подумать об обеде, но - увы! - нам только и пришлось, что подумать об этом, а исполнить это благое намерение не было никакой возможности. Окружающие эту местность балаганы со съестными припасами и пивом были буквально осаждены высыпавшими из театра зрителями и каждый кусок хлеба, каждая кружка пива доставались с бою. Возвращаться же для этого в селение не было возможности, так как времени на обед и отдых дано было всего один час, а селение было недалеко, и вот мы опять принуждены были обратиться за помощью к мытарям и фарисеям, которые прогуливались здесь же в своих театральных костюмах. С благодушием, свойственным тирольцам, каждый из них поспешил достать нам что можно: один принес хлеба, другой - сосисок, третий огромную кружку пива, и мы, подкрепив себя этой скромной пищей, поспешили опять занять свои места, тем более, что раздавался уже второй выстрел пушки, а по третьему начиналось представление.

Во второй части было Распятие. Сцена эта была проведена безукоризненно. Очень благоразумно было устроено, что самый акт прибивания ко кресту был исполнен за сценой; слышалось только вбивание гвоздей, и когда поднялся занавес, глазам зрителей представилась картина трех крестов с висшими на них телами, совершенно скопированная по образцу знаменитой картины Рубенса. Но хорошо бы было, если бы это действительно была только картина, хотя и живая. Когда же из уст Распятого на кресте стали раздаваться известные 7 слов евангельских, невольно возмущалось религиозное чувство: ощущалась профанация священного акта, особенно, когда эти слова произносились на местном наречии, каким говорит простонародье.

Выдержав все это до конца, мы вышли в пять часов из этого представления, полные разнообразных впечатлений, в которых мы не могли дать себе отчета. Одно, что нас те-

перь занимало, это то, чтобы не оставаться еще на ночь в доме нашей "Матери Божией" и по возможности приискать себе другой, более удобный ночлег. По счастию, тут же у театра нам предложил свои услуги обратный кучер из Партенкирхена свезти нас в это местечко, известное своим красивым месторасположением и потому посещаемое во множестве туристами. Обрадовавшись этому случаю, мы сейчас же захватили наши пожитки и отправились в путь.

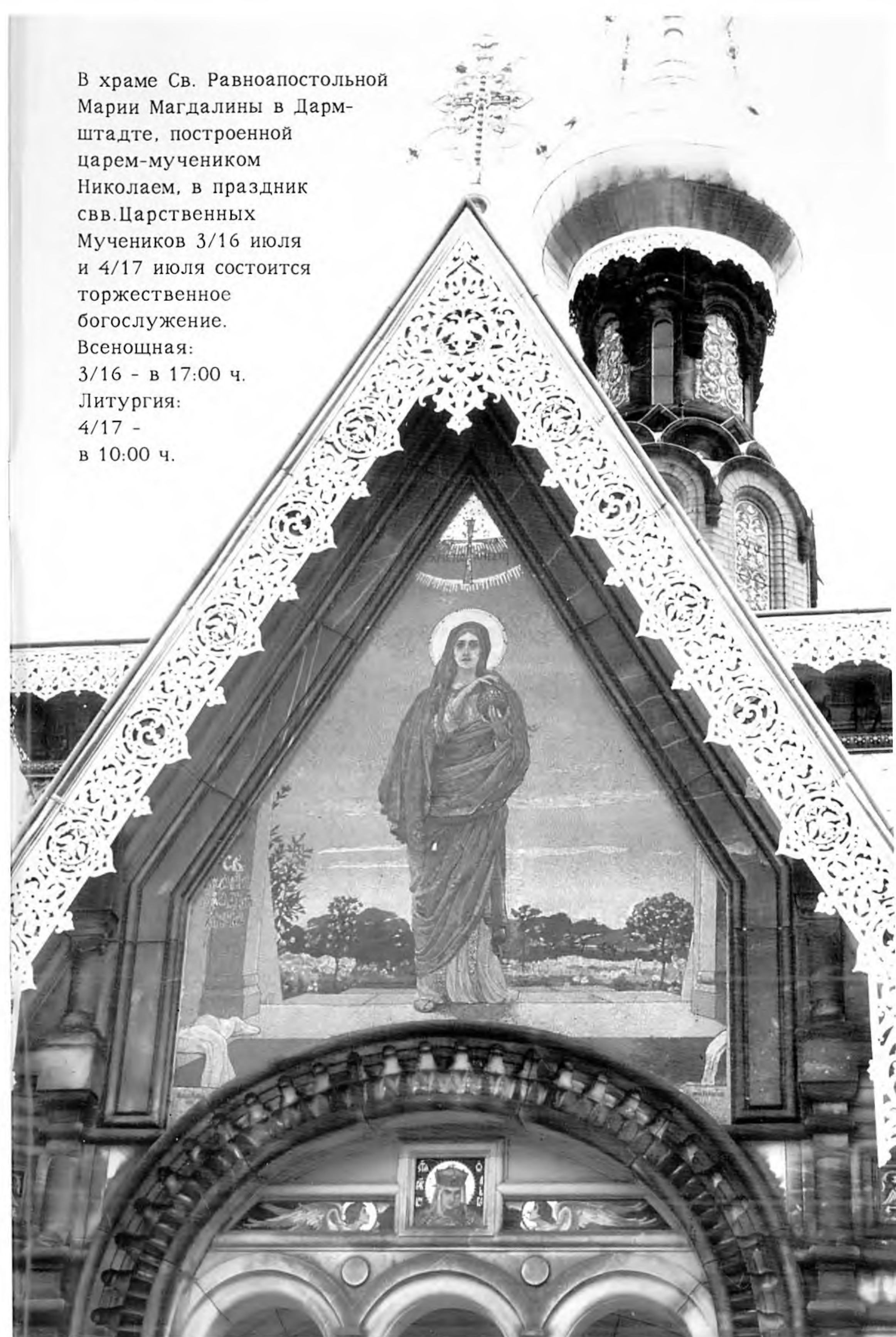
В Партенкирхене мы нашли себе и удобное помещение, и прелестную местность, так что мы с большим удовольствием провели здесь целый день. Но эта самая прелесть природы возбудила в нас охоту погулять еще подольше по живописным местам верхней Баварии, и мы решились отправиться оттуда в Тегернзее, куда на лето собираются пожить на дачах, и где в это лето находилось семейство нашего секретаря посольства графа Толя. Описывать все живописные местности в этой поездке - значило бы повторять Бедекера. Довольно сказать, что мы так увлеклись этим путешествием, что сами не заметили, как забрались в Тироль, доехали до Инсбрука и Боцена, и только через две недели вернулись назад в Штутгарт.

Наш "Вестник" является официальным органом Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. Редакторы "Вестника" стараются по совести высказывать мысли согласные с учением Святой Православной Церкви и нашей иерархии. Однако, при всем старании авторов, иногда могут допускаться ошибки. Ответственность за такие ошибки ложится исключительно на авторов статей и на редакторов "Вестника", но ни в коем случае не на Архиерейский Синод или Епархиальное Управление, которые не ведут предварительной цензуры, и не могут знать заранее, где и что будет напечатано. "Вестник" распространяется даром. Он издается трудом и иждивением братства Преп. Иова в Мюнхене. Всех заинтересованных в его существовании и распространении мы просим жертвовать на счет монастыря (PSCHA München Konto Nr. 530 31-801) с соответствующим указанием на переводе. Малые пожертвования возможны в форме марок.

Адрес Редакции:

Vestnik
Kloster d.Hl. Hiob von Pochaev
Schirmerweg 78
8000 München 60
tel.(089) 834 89 59

В храме Св. Равноапостольной
Марии Магдалины в Дарм-
штадте, построенной
царем-мучеником
Николаем, в праздник
свв.Царственных
Мучеников 3/16 июля
и 4/17 июля состоится
торжественное
богослужение.
Всенощная:
3/16 - в 17:00 ч.
Литургия:
4/17 -
в 10:00 ч.

ISSN 0930 - 9047

Изданіе братства преподобнаго Іосифа Почепскаго
Русской Православной Церкви Заграницей
въ Мюнхенѣ